

(00:07:00) (Начало записи)

Олег Степанов: Все, мы начинаем. Мы начинаем сессию, которая называется «Русская философия как основа для альтернатив развития мира». Казалось бы, экономический форум и философия — это достаточно оторванная от практических задач, экономических, вещь. Но на самом деле, если мы обратим внимание на то, как развивается мир, и особенно — ну не особенно, а и в последние десятилетия, — то надо сказать, что мир развивается удивительным образом по лекалам, которые задали философы-постмодернисты. Вот мы сейчас не будем прямо эксплицировать каждого философа и сопоставлять его с тенденциями. Но, конечно, Делёз, Гваттари, Бодрийяр задали многие тенденции, по которым развивается мир.

И вот сейчас, когда мы говорим о том, что Россия — это суверенная цивилизация, и, конечно, после 2022 года можно так сказать, что патриотизм стал в моде. И многие говорят о патриотизме и стоят действительно искренне совершенно на стороне своей страны, болеют, и переживают за нее, то зачастую за словом «патриотизм» следует язык и парадигмы, разработанные на Западе. То есть мы говорим, что у нас будет свой суверенный искусственный интеллект. А чем он будет отличаться от того искусственного интеллекта, который ChatGPT, DeepSeek и так далее? Чем он в принципе будет отличаться? Вот на этот вопрос уже практически никто не готов ответить. Да, у нас будет своя цифровизация, вот она будет суверенная, но она как-то будет отличаться, эта цифровизация, от той цифровизации, которой мы сейчас следуем?

И честно говоря, я сейчас не буду говорить о всяких экспериментах с человеком, об уничтожении идентичности, любых идентичностей. Но в принципе, в большинстве случаев мы, конечно, и в том числе, конечно, в развитии экономики, в практике экономической и в экономической теории, глубоко сейчас неоригинальны.

(00:10:22)

Притом что настолько стали неоригинальны, что во многих областях трудно найти вообще людей, которые бы мыслили отлично, которые бы наследовали традиции русской мысли. И вот эти традиции русской мысли иногда просто даже довольно трудно раскопать. Если мы ту же экономику будем вспоминать, то мы вспомним, конечно Кондратьева, условно говоря, Леонтьева, который русского происхождения. Но у них мысль, она была совершенно в таком либеральном западном ключе, великие экономисты, но вот...

А сегодня я собрал тех людей, которые действительно в практических областях мыслят в традициях русской мысли и часто руководствуются такими традициями, традициями русской мысли, о которых они тоже, конечно, вспомнят и укажут, их собственная мысль, и по какому пути идет, и как это наследует традициям русской мысли. И можно сказать — русской философии. Вот первым я предоставлю слово Александру Гельевичу Дугину. Наверное, не нужно перечислять регалии. Достаточно сказать, что Александр Гельевич — это уникальный случай, по-моему. Сохраняя огромную глубину мысли, он стал философом народным. То есть самый известный, наверное, человек, который пользуется достаточно большой популярностью, умеет разговаривать на разных языках. Я имею в виду не только иностранные языки, умеет говорить не только на языке, который понятен людям

высокообразованным и ученым, но и умеет разговаривать в широком смысле с людьми. Он расскажет нам, что такое вообще русская философия — вот в том ключе, о котором я как раз говорил. Александр Гельевич, можно с места, если удобно. Да?

Александр Дугин: Благодарю, Олег Владимирович, за добрые слова, за такое прекрасное представление. Я его точно не заслуживаю. Давайте сосредоточимся на главном. Вот когда мы говорим о русской философии, что это такое? Вообще, спорный вопрос для философов, есть ли она. Мы видим, как эта русская философия начиналась в середине XIX века. Это бесспорно. Появилась плеяда софиологов, появились экстравагантные мыслители в духе Федорова, которые не классифицируемы. И в Серебряном веке это начало развиваться и превращаться в процесс. Потом это было схлопнуто, потом это было засунуто в такую смирительную рубашку в советское время. И когда эту смирительную рубашку развязали в 90-е годы и сказали: «Ну, мы больше уже не настаиваем на отправке на Запад или куда-то еще в ГУЛАГ нашего философского парохода или нашего вагона, набитого философами под расстрел в вечную мерзлоту вместе с Павлом Флоренским». После этого из этой рубашки ничего не вылезло. Ее развязали, она оказалась пустой. Все. Все занялись бизнесом, экономикой.

И фактически существование русской философии напоминает квантовое состояние суперпозиции: то ли волна, то ли частица, то ли есть, то ли нет. И этот вопрос как раз очень сложный. Тем не менее, если мы посмотрим на суверенную мысль, русскую суверенную мысль, то, конечно, надо помещать ее... Она возможна, она начала складываться. Действительно, мы видим ее завязь, мы видим, как формируются почки этой русской мысли, она начинает раскрываться. И в самый критический момент 10-х годов XX века начинаются дикие заморозки для мысли, и все. Происходит такой вот очень катастрофический обвал. А дальше уже brain rot (*прим.: дословно — «гниение / разложение мозга»*) такой, как бы марксистская философия советская. Там ни марксистской, ни советской, ни русской.

(00:15:03)

Тем не менее, что-то русское угадывается, но именно как в Uncanny Valley (*прим.: эффект «зловещей долины»*), если понимаете, о чем я говорю. Но русская философия возможна, она действительно возможна, и у нее есть определенные предпосылки, но только в том случае, если мы будем не галлюцинировать с нуля, а посмотрим на нашу традицию, на нашу культуру, на нашу историю. И тогда мы можем проследить или наметить эти градусы русской цивилизационной философии, русской цивилизационной суверенной мысли. Начинать, безусловно, надо...

И здесь очень важно, что Запад появляется в этой формуле совершенно не сразу, а вообще, можно сказать, не обязательно он и появляется. Потому что если мы прочертим нашу картину от Платона до Путина, а не from Plato to NATO, как предлагает Джордж Вуруксакис (00:15:56), а мы посмотрим, что наша история вся: Платон — это наш философ, Аристотель — наш философ. Неоплатонизм — это наша традиция. Христианство — а теперь уже ближе, христианство — это наша религия. Мы ей присягнули тысячу лет назад. Значит, мы взяли в себя все то, на чем она была построена: александрийскую школу, все

богословие, мистику. Значит, это мы получили. И Ареопагитики мы, поздно, но перевели на славянский — где-то в XIV веке. Ну как поздно... Ареопагитики раньше, конечно, это V век, но, собственно говоря, когда у нас исихазм начался такой, русский и греческий, афонский, тогда же мы и с Ареопагитиками познакомимся. Ну, чуть поздно, конечно. Фрагменты были раньше в Толковых палаях и так далее.

То есть мы вообще, по сути дела, с христианством и получили философское ядро. Вот эту традицию древнюю, серьезную, основательную — она у нас существовала в таком компактном, упакованном виде. А после падения Константинополя и освобождения от Золотой Орды мы стали субъектом мировой истории, субъектом религиозной истории. Осознали себя как государство-цивилизация. Вот момент конкретный — середина XV века, когда мы становимся государством-цивилизацией. Раньше мы к этому готовились, после этого мы это как бы осмысляем.

Но тогда не произошло, в XV–XVI веках, при передаче катехонической функции от Византийской империи, передачи философской инициативы в целом не произошло. Это оставалось фоном, но было в монастырях, в мыслях, в литургии. В нашем обществе так жило. Как жило — кстати, до конца мы не знаем. И, конечно, обращение к этому — это уже XIX век, это славянофилы и появление самой русской философии. Соловьев, в первую очередь софиологи.

Что делает первым Соловьев? Вот первым действием он переводит Платона. Что делают первые наши философы? Перечитывают Платона. Кстати, Аристотелю не повезло. Аристотеля не поняли. Ну, его и на Западе там, вернее, поняли, потом забыли, потом извратили, потом опять забыли, уже извращенного. Поэтому до Аристотеля докапываться сложно. Лишь феноменологи нам помогли в этом вопросе, особенно Brentano, Гуссерль, Хайдеггер. Это новое открытие Аристотеля самим Западом, оно очень нам полезно, мы это как-то немного пропустили. А вот Платона — да.

И с нового прочтения Платона начиналась русская философия, обращение к православной традиции и выделение платонического кода в этой православной традиции — то еще одна важная сторона русской философии. И вот мы как бы выдвинули такую заявку на то, что мы философский народ, что мы не только субъектны как государство (это XIX век), не только как империя, не только как культура, но и как философия. И претензия была громкая, основательная. Мы хотели прочертить эту линию от XIX века до Платона. Единое греческое наследие, христианская культура, православное византийское направление в этой развилке XI века, когда Запад пошел в своем направлении, а мы пошли в том же направлении, что и шли раньше, на самом деле.

И уже через это глубокое выявление этой греко-римско-христианской основы философии, с новым обращением к классической культуре, к классическим гимназиям, университетам, мы стали учить греческий язык и латынь. Мы когда стали учить его? В XIX веке, а не в XVIII. Настоящее народное образование, которое всех гимназистов заставляло изучать Гомера и Гесиода, — это XIX век, это славянофилы, это Уваров. На самом деле, это как раз был проект подготовки к философскому восхождению русского народа. Очень

много было сделано в XIX веке, и мы прочертили от Платона до XIX века России свой философский маршрут.

(00:20:09)

И потом все оборвалось. Запад при этом стоит на том же самом основании, только мы это основание хотим более-менее непрерывно продолжать. А Запад свернул в XI веке с этого маршрута, и там появляется спор об универсалиях, появляется номинализм, появляется атомизм, физика импетуса, индивидуализм, материализм, атеизм, современная наука. И пошло-поехало. Запад, конечно, очень неоднороден, и там было очень много прекрасного и замечательного. И попытки того же платонизма, на полях которого, как Уайтхед сказал, все было написано и на Западе тоже. Общие истоки, но они отклонились от этого и придумали несколько совершенно порочных вещей. В первую очередь номинализм — о том, что нет универсалий, универсалия *post rem* (прим. лат. «универсалии после вещей»). Вот это самое страшное. Это и Реформация, это Лютер, это худшие стороны Возрождения. И самое главное — это модерн, это современная наука, материализм, атеизм — все. Это Запад. Они пошли туда, их философия поэтому и размазалась по постмодерну и по объектно-ориентированной онтологии — тоже последнее такое, куда идти, когда идти некуда. Такая «мармеладовщина» философская. Но это как бы их проблема.

А мы, на самом деле, до конца еще это наследие не освоили. Они его вскрыли и разбазарили, если угодно, как блудный сын, они его истратили, а мы к нему даже еще и не подступились. Поэтому у нас есть на чем строить нашу русскую философию. У нас есть серьезнейшие предпосылки к нашей суверенной цивилизационной мысли. Абсолютно. Она должна быть последовательной, она должна быть, если угодно, аккуратно изолирована от Запада с тем, чтобы потом, на основании выявления такого очень компактного и контрастного нашего русского философского, цивилизационного кода — безусловно православного, безусловно платонического... Вот прочитаем все диалоги Платона и станем русскими философами. А без этого не прочитаем, не поймем, не примем. Потому что без Платона не понять Оригена, без Оригена непонятна александрийская школа, без александрийской школы непонятна православная догматика даже с Первого собора, и Евсевий Кесарийский не понятен — никто вообще не понятен. Не говорю уже об апологетах и об Ареопагитиках — никто не понятен в православии. Значит, ни старцы не понятны, ни святые русские не понятны. Все. Нет Платона — нет ничего. Поэтому вот наш источник.

И когда мы проделаем эту работу, собирая, выясняя этот русско-православный, платонический, греко-римский, если угодно, код во всех своих аспектах, вот тогда мы можем обратиться к Западу и сказать: «Что на это похоже? О, как интересно! Здесь мы так пошли, а они — так». Когда мы будем иметь свою собственную, подчеркнутую, контрастную, упругую идентичность философской мысли, мы сможем по-настоящему поинтересоваться Западом. И знаете, что мы там обнаружим? Сокровища мы обнаружим на Западе, но мы будем брать не все. Это будут «вершки и корешки». Сейчас нам пытаются как раз продать, как этот мужик медведю бедному — мне всегда в этой сказке

жалко медведя, который «вершки и корешки». Раз обманул мужик медведя, потом подсунул ему какую-то несъедобную чушь, потом второй раз обманул. Медведя очень жалко.

И вот Запад, он тоже нам пытается в виде своей философии все время продать, как мужик медведю, все не за то, неважно. Мы говорим: «О, вершки мы берем», — а там какая-то ботва. «Корешки», — а там какая-то чушь выросла. И мы все время как бы... вот гендерная политика, капитализм, экономика — все время промахиваемся. А на самом деле потому, что надо быть в этой сказке все-таки мужиком, а не медведем. А мы — медведь.

Поэтому, если мы станем субъектом, человеком, если мы сами осознаем вот эту конструкцию нашей философской идентичности, срочно, ускоренным порядком с опорой на искусственный интеллект заполним недостающие фрагменты, быстро прочтем то, что не прочли, а самое главное, быстрее отбросим плевелы всякие ненужные, токсичные — и вот потом перечитаем Запад. Вот это настоящее будет откровение. Но Запад надо читать русскими глазами, а для этого... западную философию можно интерпретировать, только когда есть ядро этого русского духа, этого русского интеллектуального начала. Тогда окажется, что Хайдеггер — это почти русский философ, Гегель — это то, что мы ждали.

(00:25:00)

Мы пойдем и Фихте, и Шеллинга. Кстати, как первые наши славянофилы — они Шеллингом зачитывались, они его тоже через русскую модель читали. Или как гениальное предложение Сергея Булгакова построить экономику не на Гегеле, как Маркс, а на Шеллинге. Его «Философия хозяйства» — блестящий пример, что это работает, что это можно применить. То есть чем больше мы сами, тем внятней для нас будет история западной философии. И тут можно просто сразу уже, заканчивая, сделать такое предложение: давайте вычтем номинализм отовсюду, индивидуализм западный и номинализм. Отсюда и материализм, и атомизм. Ну, нет этого. Аристотель прав, а Галилей с Ньютоном — нет. Профанация, как сказал Бруно Латур, и подделка. Просто клоуны, шуты, фейк-ньюс, типа как посты Трампа в Truth Social. Вот эта вся физика современная — все не так, потому что атомов нет и пустоты нет. И вообще того, о чем они говорили — номиналисты религиозные (протестанты) и номиналисты физические — вот этого нет.

А мы возвращаемся к... и квантовая механика тогда, кстати, откроется совершенно с новой стороны. Потому что, по большому счету, квантовая механика с философской точки зрения — это не просто достройка классической механики Ньютона, а это в значительной степени возврат к доньютоновской, аристотелевской физике. Этого никто не видит, не признает. А на самом деле это так. Та же самая суперпозиция — это не что иное, как сама по себе вещь, которая есть и материя, и форма, а коллапсирует в форму или материю лишь в определенном измерении, когда появляется измерительный прибор. Вот объяснение Шредингера с его котом, такое простое философское. Я, собственно говоря, хотел изложить историю, философию и проект восстановления русской философии самым коротким из возможных образов. И я сделал для этого все возможное. Больше у меня времени нет. Благодарю за внимание.

Олег Степанов: Спасибо, Александр Гельевич. Вы на самом деле очень глубокие вещи затронули в эти ограниченные 15 минут. И, конечно, воспоминания даже о тех людях, которые основали квантовую физику... можно сказать, что из них подавляющее большинство были людьми религиозными разных конфессий. Иногда, как Шредингер, не профессионально религиозными, но на самом деле людьми очень глубокомыслящими. И Шредингер, например, задавал вопрос: если материя и сознание абсолютно отличны, то тогда вся физика — это полная ерунда. Потому что если же они в основе своей — это что-то единое (а это очень глубокий вопрос и на самом деле глубокая мысль), тогда да, тогда мы можем говорить о законах развития материи и так далее.

Но сейчас мы перейдем к таким практическим, что ли, философским вещам, к философии как практике. Мы с Борисом (*прим.: Борис Акимов*) вели несколько лет передачу на радио «Спутник», делали передачи на телевидении, на «России 24». И знаете, если мы касались темы экономики, то огромная проблема была найти экономиста, у которого вообще есть собственные мысли. Не который следует наследию, в лучшем случае, Кондратьева или говорит об этических началах в экономике, а именно человека, у которого есть мысли. Потому что экономика, конечно, — это количественное описание хозяйственной деятельности людей. И довольно случайно а может, и не случайно на одной из экономических конференций вот мы познакомились с Сергеем Дзюбой, которому я передаю слово и надеюсь, что он донесет вот эту русскую мысль, продолжающую русскую традицию экономической мысли нам. Сергей. Да, он профессор Федерального Дальневосточного университета.

Сергей Дзюба: Добрый день! Спасибо. Ну, возложили, конечно, на меня ответственность, но... Ну, начнем с тезисов, да? Что если мы говорим о том, что русская экономическая модель должна чем-то отличаться, то, по крайней мере, два атрибута, которые ей должны соответствовать, — это эффективность и справедливость.

(00:30:20)

По большому счету, история по крайней мере позднего Советского Союза — это как раз где в СССР была экономика больше как справедливая, а противоположная сторона — она более как эффективная, и эффективность в конечном итоге победила. Хотя, конечно, был отрезок времени, 30-50-е годы, когда та же самая экономика, которую мы называли социалистической, была еще и эффективной.

Но, тем не менее, в экономическую теорию прочно ввинчено прямо вот это самое положение о том, что справедливость и эффективность — несовместимые вещи. То есть либо она справедливая, либо она эффективная. Это, на мой взгляд, утверждение является ложным. И для того чтобы эту ситуацию исправить, не нужно выбрасывать ту экономическую теорию, которая построена, — просто в этой экономической теории есть идеологические закладки, которые вот к этому выводу приводят. И если вот эти идеологические закладки аккуратненько оттуда изъять, то мы получаем вполне работоспособный инструмент, которым можно пользоваться. Но при этом этический фундамент экономики нам придется полностью переделать, если мы хотим получить экономику другого качества.

И здесь я себе позволю объяснение с такими элементами формул, надеюсь, не слишком страшными. Значит, что у нас есть в нашем арсенале теоретическом? У нас есть модель экономического роста, которая говорит о том, что норма дохода на капитал (а это, собственно, и есть как бы приводной двигатель экономики, то есть положительная норма дохода — это то, что ее двигает), она в точности равна темпу роста населения и темпу роста технологического развития, за спиной которого стоит рост производительности труда или рост технологической эффективности.

При этом если мы туда внесем еще одну поправку, которая добавит туда еще межвременные предпочтения потребителя (когда потребитель смотрит на блага на дистанции времени, для него то, что ближе, представляет большую ценность, чем то, что стоит дальше), то это добавит еще один коэффициент, который обозначен буквой ρ . И тогда мы получим вот такую вот компоненту. То есть теория нам говорит о том, что приводной механизм состоит из трех вот таких слагаемых.

Но на практике мы видим, что норма дохода на капитал, то есть та самая рентабельность, которая обозначена как R с такой волной, она больше, чем то, что говорит теория. Потому что все вот эти три компоненты — это три достаточно небольшие величины. И тогда вроде как рентабельность должна быть тоже небольшой величиной, а мы видим, что она встречается довольно в таком крупном размере.

Чем это объяснить? А это объясняется тем, что в действительности в том механизме, который приводит экономику в равновесие (а на самом деле не столько там важно равновесие, сколько эффективность, потому что под равновесием понимается наиболее эффективный способ использования всех ресурсов, которые задействованы в экономической деятельности), так вот, в этом ценовом механизме есть несовершенства. И за счет вот этих несовершенств у нас объясняется вот эта разница. Эти несовершенства — это либо рыночная власть на товарном рынке, за счет которой потребителя заставляют переплачивать (то есть больше, чем то, что должно было бы быть в теоретически правильном равновесии), рыночная власть на рынке труда, то есть там, где работодатель не доплачивает работнику. Ну и есть еще элементы потери эффективности — это когда по объективным или субъективным обстоятельствам используется не наилучшая доступная технология. Ну а модель совершенной конкуренции говорит о том, что вот этих трех компонентов быть не должно.

(00:35:01)

И тогда мы возвращаемся на то, что у нас было на предыдущем слайде. А в реальной жизни они, конечно же, вот эти три дополнительных слагаемых, далеко не нулевые.

Ну и благодаря тому, что, с одной стороны, мы видим две таких вот разных картинки — то есть реальность и теоретическую основу, — это порождает устойчивую такую латентную шизофрению в экономической теории, в которой, с одной стороны, признается то, что это несовершенство есть (потому что они уже вошли в пул утверждений, именно теоретически обоснованных утверждений), но, с другой стороны, фундамент по-прежнему составляют по большому счету, две теоремы. Теорема общего рыночного равновесия, которая говорит о том, что именно рынок наилучшим образом использует все

экономические ресурсы. И второе — это теорема благосостояния о том, что цели индивидуумов (то есть и условных предпринимателей) и цели общества между собой согласованы. То есть это та самая «невидимая рука» Адама Смита.

Но эти две теоремы работают и выполняются только в условиях совершенной конкуренции. В то время как сама же большая экономическая теория признает, что совершенной конкуренции не существует. И это значит, что в действительности вот этот вот фундамент, на котором все это стоит, является эфемерным.

Ну и что же тогда нужно в экономике исправить? То есть если мы отвлекаемся от деталей, то прямо большие исправления, которые, естественно, потом нужно разложить на более точные детали. По большому счету, первое — это признать, что несовершенства разрушают все положительные стороны рыночной теории. Потому что в фундаменте лежит именно положительная идеологическая основа: что вот она, экономическая теория, эффективна, в смысле сама экономика эффективна. Ну и второе — это признать, что эти несовершенства рынка неустранимы. И если по первому пункту уже имеется скорее общественное согласие, но нет научного, хотя, возможно, это вопрос времени, и научное согласие здесь тоже будет достигнуто, то по второму вопросу тут более сложно. Потому что если мы признаем второе, то это закрывает дверь ко всем решениям перераспределительного характера. То есть все решения о том, что нужно что-то там обложить налогами, откуда-то изъять и куда-то передать — вот эти все решения будут нерабочими. Почему? Потому что у нас не существует никакого механизма, который бы сказал, сколько у кого нужно отнять и кому сколько передать. Вот такого механизма нет и существовать не будет.

Ну а что же тогда работает? А работает то, что можно назвать двухсекторной экономикой — фундаментально, в том смысле, что теоретически обоснованно. Из той же модели Солоу, с которой мы начинали, следует, что продукт капитала (то есть то, что мы, в общем-то, по-простому называем прибылью) должен полностью инвестироваться, то есть он никогда не должен уходить в потребительский контур. Ну а в современной экономике, несмотря на то, что, еще раз, это классическое утверждение, современная экономика, которая как бы построена на классике разумеется, есть вот этот вот дивидендный контур, через который выводится прибыль, и она полностью находится в руках предпринимателя. И вот это свойство не выполняется самым что ни на есть очевидным образом, в то время как, еще раз, теоретически оно обосновано именно самыми что ни на есть классическими методами.

Второе — что потребление возможно только в контуре труда, то есть через, условно говоря, продукт труда, по-простому — через заработную плату. И в этом случае, какими бы ни были несовершенства, поскольку они формируются в контуре прибыли, то они будут через этот инвестиционный процесс возвращены в контур работы на общество. Но при этом важно, чтобы не потерять эффективность, создать механизмы, которые бы обеспечивали использование лучших доступных технологий. Но это тоже, скажем так, скорее технический вопрос.

(00:40:00)

Но теперь вот мы подходим к этическому контуру. Какую бы мы конструкцию, исходя из того, что было сказано перед этим, ни построили, эта конструкция никогда не будет работать, если в ее основе лежит, я сейчас так скажу, может быть, не очень корректно, но я его просто называю базовый протестантский нарратив. Тут с философской точки зрения могу допустить неточность и грубость, но пусть он называется так. В предельном понимании он выглядит и сводится именно к этому: что прибыль — это только моя заслуга, моя как предпринимателя, поэтому она принадлежит только мне. За труд и за капитал я уже со всеми расплатился, я нигде никому не должен, поэтому я имею право использовать ее только так, как считаю нужным. И в этой этике цель деятельности — это максимизация прибыли. А сотрудники, коллеги, друзья, в общем-то, вся остальная жизнь — это просто мои бюджетные ограничения.

Так вот, в рамках такой этической парадигмы работать ничего не будет. А требуется новая деловая этика — этика цветущей сложности. Я использую терминологию, к которой меня приучили мои новые друзья и коллеги. И в этом случае целевая функция — это что мне даны ресурсы для того, чтобы изменить жизнь к лучшему. И труд, и капитал в рамках этого — это инструменты, которые даются мне обществом. А прибыль — это бюджетное ограничение, которое является обратной связью, сигнализирующей мне: способен ли я достичь этих целей? Потому что при всей благой цели путь к ней может быть неэффективным, и тогда, в общем-то, мое дело погибнет из-за того, что у него не будет притока в виде прибыли. Либо мы имеем положительную оценку от общества через вот этот вот канал. Ну, у меня все. Спасибо.

Олег Степанов: Сергей, огромное спасибо. Я благодарю на самом деле Сергея. Понимаете, о каких-то вещах, о которых он говорил, в том числе об отсутствии механизмов идеального рынка, конкурентных механизмов — ну, мы в этом мире абсолютно живем. Сейчас все рынки, абсолютно все, они олигопольны. Возьмем даже рынок продуктов, какие-то рынки, которые существуют в Москве, по крайней мере, и в крупных городах. В Москве все, кто стоят на рынках, закупаются на «Фуд Сити». «Фуд Сити» принадлежит определенным людям, и, соответственно, это тоже олигополия. Именно поэтому, не знаю, если еще недавно кто-то помнит, как овощи — огурцы, помидоры — могли стоить в несколько раз дешевле, чем мясная продукция, то сейчас цены практически сравнялись, и они очень сильно прыгают. Это, конечно, следствие того, что рынок абсолютно олигопольный. Рынок производства парниковых овощей тоже принадлежит, в общем-то, нескольким людям, нескольким компаниям. Это классическая олигополия. Поэтому вот это равновесие спроса и предложения просто не работает. Несмотря на то, что еще сюда прибавляется то, что наблюдают экономисты, и в том числе западные об этом пишут, что установление цены через равновесие спроса и предложения — это лишь один из факторов. Там есть еще много факторов, в том числе факторы лояльности. Поэтому мы действительно не живем в этом мифическом идеальном конкурентном рынке. Соответственно, действуют абсолютно другие процессы.

Сейчас я представляю следующего выступающего. Это Сергей Афанасьевич Зимов. Он долгое время был директором Полярной станции Российской академии наук. Кроме этого, у него, пожалуй, из немногих российских ученых уже после 90-х годов есть

публикации в ведущих мировых журналах Science и Nature, по-моему, даже больше 10. Я думаю, что вы там чемпион по публикациям, не знаю точно.

(00:45:16)

Но, Сергей Афанасьевич, еще мне кажется очень важным, что он свои теоретические положения подтверждает практикой. У него есть проект «Плейстоценовый парк» в Заполярье. Это несколько десятков тысяч гектар. Он считает, что человек может управлять природой и управлять климатом, и, соответственно, должен это делать. Что углеродный след не нужно понижать, потому что он находится на критических для жизни уровнях. И он доказывает, что человек может эффективно управлять природой тем, что он отогрел вечную мерзлоту, превратил ее на десятках тысяч гектар в плодородную почву без каких-либо экологических катастроф. При этом затратив, естественно, не десятки миллиардов, не триллионы и даже не сотни миллионов рублей, а, в общем-то, достаточно небольшие бюджеты. И сейчас у него там пасутся, по-моему, даже верблюды в Заполярье. Есть у него еще такой филиал небольшой в Тульской области, который тоже производит совершенно потрясающее впечатление, которым никто, в общем-то, кроме Сергея Афанасьевича, уже пожилого человека, и его помощника, тоже человека немолодого, не управляет. Но это просто потрясающая картина такого гармоничного сосуществования человека и природы. Сергей Афанасьевич, вам слово.

Сергей Зимов: Байден сказал, что глобальное потепление страшнее ядерной войны. А пришел Трамп и сказал, что все это сплошной и величайший обман. И сегодня мир раскалывается: Паниковские отползают, а простодушные Балагановы продолжают пилить эти чугунные «зеленые» гири. А кто стал идеологом этого разворота? И кому в вопросах климата верить? А верить надо профессионалам, причем тем, кто никогда не ошибается. И среди климатологов таких профессионалов был только один человек. В 1971 году все климатологи мира мамой клялись, что будет похолодание. И лишь наш главный климатолог Будыко громко выступил: «Я обнаружил эффект полярного усиления. Рост CO₂ вызовет глобальное потепление, оно уже начинается».

Его чуть не порвали, но потом в своих моделях начали использовать задумки Будыко. И действительно, потепление, и очень скоро потепление признали. А следующий скачок климатический произошел в 1988 году во время слушаний в американском Сенате. Свой доклад сделал Джеймс Хансен. По его прогнозам, потепление вызовет засухи, и всему миру грозит голод. И американские политики взяли за основу этот доклад. А в скором времени и большинство западных климатологов поддержали этот вывод.

Но в то же самое время был и прогноз «отца глобального потепления» — Михаила Будыко. Он предсказывал всему миру парниковый рай. Климат станет комфортнее, пустыни зазеленеют, ураганы ослабнут, и по всему миру будут собирать небывалые урожаи. Но Союз развалился, и об этом прогнозе забыли. А сегодня мы можем вернуться к этим прогнозам и посмотреть, кто же был прав. Так вот, все происходит строго как предсказывал Будыко. Он единственный, кто все грамотно предсказал. На один градус потеплело по миру, а в холодных странах на три градуса — полярное усиление. А раз где-то в три раза больше, то значит, в теплых странах ничего-то и не потеплело. И наша страна

тянет львиную долю глобального потепления. И пусть остальные не плачутся. Отвечаем за потепление мы своей шкурой, своими научными заделами.

(00:50:23)

На что надо обратить внимание? Мы ко всему привыкаем, но проблема начинается, когда появляются экстремумы: сверхвысокие температуры или сверхнизкие, когда все перемерзает или горит. Обратимся к территории Соединенных Штатов. Если верить СМИ, там полнаселения уже на грани закипания. Посмотрим, как экстремальные температуры меняются в Соединенных Штатах в ключевых точках. Эти графики обычно никому не показывают. Никто из вас их не видел. Смотрим. Возле Белого дома летняя жара не усилилась, возле штаб-квартиры ООН не усилилась, на севере не усилилась, на юге не усилилась, и в Ванкувере даже ничего не потеплело. Летние температуры максимальные не растут нигде по миру, но везде по миру ослабевают холода. В Америке это на два-три градуса, у нас — до пяти-шести. Климат по всему миру становится более комфортным, потому что жара не усиливается, а холодных дней и ночей все меньше. Плодородное лето все дольше — все, как предсказывал Будыко.

А главный критерий комфорта климата — это урожай зерновых. Растут урожаи — значит, климат становится комфортнее. Смотрим, что с урожаем по всему миру. Для многих эти графики — неожиданность. Во всех странах урожаи выросли в три раза. Независимо от агротехники, от передовых технологий, от экономических кризисов урожаи растут параллельно росту CO_2 , как и говорил Будыко. Для глобалистов CO_2 — это страшный яд. На самом деле CO_2 — это единственная основа жизни. Все растения питаются углекислым газом. И раньше углекислого газа было много, и было комфортно, потому что не надо было испарять много воды, чтобы «наловить» нужное количество CO_2 . Но недра все время воруют углерод: накапливается уголь, нефть, сланцы, и в атмосфере все меньше и меньше углекислого газа. И сегодня бедным растениям, чтобы поймать одну молекулу CO_2 , приходится тратить 500 и больше молекул воды. Никакой воды не напасешься. По всей планете появились пустыни, а раньше их не было. Воды всем хватало.

Вот как в своем завещании писал Будыко, что самое страшное — это низкое содержание CO_2 . Это приведет к гибели планеты. Задохнутся все растения. А мы, сжигая уголь и нефть, омолаживаем биосферу, возвращаем ее в высокоплодородное состояние. И это он повторял вслед за Циолковским, который к этому призывал значительно раньше.

И что сегодня происходит в мире? Мы-то вообще-то исходно цивилизация злаков. Все пирамиды построены с помощью злаков. Весь мир Чингисхан покорил, не имея ничего, кроме многолетних диких злаков. Но появился уголь, появилась нефть, началась цивилизация нефти. Мы обогнали по энергетическому росту все цивилизации. Но нефти больше не становится. С каждым годом ее все меньше, и меньше, и меньше. Но при этом урожаи растут. Еще немного, и мы будем собирать в два раза больше урожаев, как в Соединенных Штатах. А земли-то у нас немерено, и мы можем собирать урожай значительно больше, чем добываем нефти. А зерно — это и спирт, и биодизель. Так что не пропадем. Проблема плодородной почвы. Почвы все беднее и беднее. И глядя в будущее, надо представлять, где и сколько мы будем пахать и сеять.

А вот с этим у нас в стране... Страна большая, а половина ландшафтов убогие.

(00:55:14)

Кругом мхи, а под мхами почва никакая. Ну, можно подумать, что это потому, что холодно, климат суровый. Но ерунда. Везде, даже на Крайнем Севере, отлично растут злаки, как на Кубани. Были бы почвы плодородные. И вообще-то наши российские ландшафты сегодняшние — это новодел. Раньше вся природа России выглядела вот так. Вот такое вот великое богатство было по всей стране. Кругом были злаки и сотни миллионов животных.

А появились эти экосистемы злаковые совсем недавно, всего 20 млн лет назад, когда содержание CO₂ упало, и исчез смысл бороться за свет. Главная конкуренция сместилась в почву: за воду, за фосфор. И здесь появились злаки, и появились новые экосистемы с очень высокой скоростью роста, где все съедобно, где в теплых желудках все буквально за день разлагается. И появились эти экосистемы в соответствии с законами Вернадского. Первый закон говорит: если все съедобно, то все должно быть съедено, и животных должно быть предельно много. А второй закон говорит, что победят те экосистемы, где самая высокая скорость биокруговорота.

Именно эти пастбищные экосистемы и захватили весь мир, вытеснили леса, вытоптали мхи. И даже на Крайнем Севере были богатые саванны. И мы сегодня не видим их, этих экосистем, их не осталось в природе. А ведь это была вершина эволюции. Злаки — это самое верхнее семейство растений, это была экосистема самой богатой пищи. Рис, кукуруза, сахарный тростник — это все злаки. Бог сотворил землю, и последнее, что он сделал, — он создал сады Эдемские и туда поселил человека. И человек безбедно жил в этих богатейших экосистемах, пока не сорвал плоды с дерева познания. Появились новые технологии, появилось новое оружие, и человек начал расселяться по планете, и везде, где он появлялся, начиналась скорбь. Вот в Северной Америке с приходом человека исчезли все вот эти животные, 33 вида. А в Южной Америке исчезли практически все. Без животных, без навоза земля не родит.

Биокруговорот замедлился, и леса, мхи вытеснили эти богатые экосистемы, а человек остался без пропитания, вынужден был кого-то одомашнивать, ухаживать за полями, за пшеничкой и создавать свои экосистемы. А выжившие животные стали врагами, потому что они по привычке выходили на поля поесть чего-нибудь вкусного, все вытапывали, резали скот хозяев. В результате этой долгой битвы человек победил окончательно. Диких пастбищ на планете не осталось. Выжили животные только там, где человека нет.

Но нашей стране повезло — у нас большинство видов мамонтовой экосистемы сохранились, и значит, можно эти экосистемы, эти сады Эдемские возродить. Этим я и занимаюсь почти всю свою жизнь. Даже на Колыме, в самых суровых условиях, как вы видите, можно создавать плодородные саванны. И вот здесь было болото, и животные превратили его в сухую саванну плодородную. А вот здесь был моховой лес, и сейчас здесь саванна. А вот в Черноземье так вообще ничего особо не надо — купить землю, привезти животных. И вот вам сады Эдемские. Красота! И почва с каждым годом становится богаче и накапливает гумус. Вообще-то у нашей страны самый большой опыт

по преобразованию климата и природы. За считанные годы территория от Молдавии до Алтая из суховейных степей, с которых сдувал ветер снег, превратилась в плодородную саванну.

(01:00:03)

Функционально это саванна, которая сегодня кормит полмира. Это главная мировая пшеничная житница. И в общем-то, никто не мешает нам продолжить этот эксперимент. У нас полно убогих территорий. Все, что нужно, — это заменить мхи, которые никто не ест, на злаки, высокопродуктивные злаки. А для этого надо только пустить в природу животных, и они сами все сделают: будут удобрять, прореживать, пропалывать. И сады Эдемские вернутся на нашу землю. А ведь это наши родные экосистемы, подаренные Богом нашим предкам.

И, в общем-то, можно развить даже новую философию, которую поймет и поддержит весь мир. Не запугивать всех ради корысти коммерческой, а пообещать всем светлое будущее. Не видя будущего, трудно жить. А здесь обещать рай на земле — это обман, это невозможно. А вот возродить сады Эдемские и вернуть климат в парниковый рай — это технически возможно. И Бог не запрещает. И опыты наши показывают, что не так это трудно и дорого. И это главные ценности человека: плодородные почвы, тучные стада. Дети и звери — беспроегрышная игра. Давайте займемся делом. И других дел много. Но вернем в нашу страну исчезнувших диких животных. Вернем лошадей, вернем диких верблюдов, вернем диких бизонов, диких оленей.

Олег Степанов: Вольный выпас, правильно? Вольный выпас — это...

Сергей Зимов: «Земля и воля» — один из политических философских лозунгов. И их надо дать не только человеку, но и тем, кто всегда жил с нашими дальними предками. Мы единая земля, мы одной крови, мы одна экосистема, экосистема злаков. И злаки прокормят нас и завтра, и послезавтра. Вернем все в парниковый рай. Спасибо за внимание.

Олег Степанов: Спасибо большое, Сергей Афанасьевич. Я хочу сказать, что, понимаете, в последнее время говорят об инновациях, да? И, конечно, все, что связано с инновациями с такими настоящими инновациями, — это, конечно, Илон Маск, это западные технологии. Но понимаете, иногда инновацией являются какие-то... и настоящие инновации, на самом деле, являются очень простыми вещами. То есть человек условно говоря, за 1 млн рублей превратил в саванну земли, десятки тысяч гектар земель вечной мерзлоты. Ну, понимаете, вот это настоящая, эффективнейшая на самом деле инновация.

И при этом он упоминает Циолковского, Вернадского, Будыко, на самом деле, там и Федорова в личных разговорах. И это — это русская философия, это оригинальная, на самом деле, русская мысль. Как основа для практических действий. Поэтому, Сергей Афанасьевич, огромное спасибо. Сейчас, кстати, по-моему, фонд Мельниченко даже заинтересовался, по крайней мере, какое-то время назад это было так, и начал там что-то финансировать. Не знаю, продолжает или нет.

Сергей Зимов: Западные глобалисты перекрыли им кислород. У меня вообще-то титул «Главный враг команды Греты Тунберг». Я разрушаю их философию, и хлопот из-за этого много. Даже такого крепкого финансового человека, как Мельниченко, скрутили в бараний рог.

Олег Степанов: Ну, в общем, да, помогал какое-то время назад. Я даже как-то случайно наткнулся на какой-то видеоролик, где Путину докладывает президент фонда Мельниченко, что вот мы как бы финансируем такой суперинтересный проект. В принципе, это замечательно было бы. Следующего нашего выступающего я представлю. Это Михаил Кильдяшов, поэт, публицист, секретарь Союза писателей России, член Изборского клуба, преподаватель Оренбургской, по-моему, да, духовной семинарии. Замечательный и, на мой взгляд, очень глубокий христианский мыслитель.

Михаил Кильдяшов: Дорогие друзья, братья и сестры! Русская культура во все века предлагала миру альтернативу.

(01:05:08)

Но в этом не заданная инаковость русской культуры, не нарочитая поперечность, а некая служба, на которую мы никогда не напрашивались и от которой мы никогда не отказывались. Такое служение сродни соизданию ковчега в пору, когда весь мир пребывает в потоке.

Так какому же миру мы сегодня предлагаем альтернативу? Я думаю, миру, который гораздо страшнее, чем мир Барта, Лиотара или Бодрийера. Есть расхожее утверждение, что с этим миром мы расходимся по линии коллективное и индивидуальное. Они — индивидуалисты, мы — культура соборная. Это верно, но не вполне, потому что и для нас человек, а точнее, личность, тоже во многом мера всех вещей. В начале XX века, когда некоторые религиозные философы упрекали христианство за то, что это ветхая догматика, философ Флоренский написал статью «Живая догматика», где говорил, что был явлен образ Спасителя, в котором сумма религиозных представлений показана через пример Богочеловека. Это не просто некий катехизис, это прожитое, показанное всем нам и некий идеал, к которому мы должны стремиться. Маршрут земного и небесного пути.

Так вот, весь вопрос в том, как мы подходим к человеку, который является мерой всех вещей. В нашей культуре человек по-прежнему венец творения. Даже социализм сначала был построен, а потом в нем уже поселили людей. Культуру надо созидать от первого до шестого дня творения, и только тогда в ней рождается особый тип человека. Культура западная шла от обратного. Она поменяла этот ход божественных времен, ход сотворения мира буквально наоборот. Она говорит: с человека начинается сотворение мира.

А каково жить человеку, который появился в первый день творения там, где даже тьма и свет еще не разделились? Этот человек оказывается не в райском саду, а в аду, где нет ни света, ни звука, где невозможно выполнить божественный завет именовать все сущее, потому что ничего, кроме самого человека, из этого сущего в мире нет. 20-е годы XX века. Австрийский писатель Музиль пишет роман «Человек без свойств». Там выводит персонажа, у которого нет ни совести, ни родины, ни исторической памяти, ни любви,

ничего. Это абсолютно пустое место. Таков человек, с которого начинается первый день творения.

В эти же самые годы Горький начинает свою эпопею, которую первоначально именовал «История пустой души». Про человека, который, казалось бы, тоже в пору всех пертурбаций начала XX века так же потерян. Он не знает, как ему жить. Но, как это часто бывает в русской культуре, творение выбивается из рук своего творца и ведет его уже за собой. Человек не оказывается пустым в итоге у Горького, он называет буквально с фотографической паспортной точностью эту свою эпопею — роман «Жизнь Клима Самгина». Русский человек в русской культуре пустым быть не может. Он даже в годы великих потрясений всегда говорит: «Неужели я единственный здравомыслящий человек на всей планете?». Это тот самый мальчик, о котором все задумываются: «А был ли мальчик?».

Русский художник отказывается, отрекается работать с пустотой, потому что она разрастается всегда как чернильное пятно. Не об этом ли сказал Достоевский, когда в «Преступлении и наказании» выявил теорию, согласно которой, якобы пожертвовав одним, можно осчастливить все человечество? Но сразу же возникает вопрос: а что ты будешь делать с той пустотой, которая окажется на месте того, кем ты пожертвовал?

(01:10:00)

Эта пустота будет разрастаться и поглотит все. Но в том же «Преступлении и наказании» Соня Мармеладова говорит Раскольникову: «Да, твоя теория возможна, с одной очень важной поправкой: можно осчастливить весь мир, пожертвовав одним, при одном очень важном условии — если этой жертвой будешь ты сам».

А сегодня альтернативный наш мир настолько модифицировал теорию Раскольникова, что становится страшно. Он уже задается вопросом: а можно ли пожертвовать всем миром, чтобы осчастливить себя одного? Это и происходит. В трансгуманизме человека лишают Адама, лишают его телесности. В искусственном интеллекте его лишают Ноя, то есть лишают творчества и труда. И сегодня новый шаг: искусственный интеллект — уже день вчерашний, говорят об искусственном сознании, когда человеческий мозг можно отсканировать, как недавно это произошло, как мозг мухи заложить в компьютерную программу, и без написания этой самой программы муха начнет двигаться. И то же самое произойдет с человеком. И останется всего один шаг. Появятся правозащитники и скажут: «Этот субъект в компьютере — он тоже живой, он тоже переживает, он страдает, он плачет. Нельзя его уничтожать, нельзя его отключать от питания». И тогда будет предел расчеловечивания.

Здесь уже посягательство на Лазаря, который был воскрешен. Западная культура говорит: «Зачем нам воскрешать Лазаря, когда можно записать его сознание? Пусть он продолжает смердеть во гробе».

И остается последний рубеж. Даже не душа. Душа тоже имеет тварную природу. Поэт Владимир Соколов, написавший знаменитые строки: «Я устал от XX века, от его окровавленных рек, и не надо мне прав человека, я давно уже не человек», — в финале

своей жизни издал поэму «Пришелец». Там человек с другой планеты приходит в начале XXI века к землянам и говорит: «Вы умудрились сделать смертной душу. Нигде такой другой планеты нет». И даже не душа — последний рубеж, а личность. Но не в психологическом понимании, а в понимании христианском, как совокупность воли, творчества и жизненного движения. Если бы можно было в человеке разыскать божественную ДНК, это была бы личность. Есть божественная личность, есть человеческая личность. И надо сказать, что человечество проделало огромный путь, чтобы безликий языческий бог стал личностью, чтобы сидящий к человеку спиной обернулся к нему лицом и сказал: «Стучите, и отворят вам».

Так вот, именно культурный герой сегодняшнего дня — это тот, кто стоит на рубеже сбережения личности как последней цитадели человека, как естества. Если Запад когда-то вышел в поисках человека с фонарем и со временем не заметил, как этот самый Диоген уронил фонарь и превратился в Герострата... Поэт Юрий Кузнецов в XX веке ответил Диогену так: «Днем с огнем ты искал человека, но в огне должен быть человек». Такова альтернатива. Человек с огнем, который взирает на все со стороны и боится рисковать, и человек в огне, который входит в горящий дом, который пускает этому горящему миру встречный пал, чтобы унять уничтожающий огонь. Я не буду называть ни конкретных литературных произведений, ни живописных, ни кинематографических, которые являют такого героя и такой мир, в котором разрастается пожар как никогда. Называть конкретные примеры сегодня — дело неблагодарное. Пройдет совсем немного времени, и потомки, увидев наш день на расстоянии, скажут: «Вы ошиблись в своих оценках того, что было написано, снято в кино».

(01:15:02)

Но, тем не менее, вот такой герой, который идет уже не на грозу, а на огонь, он рождается здесь и сейчас. Это герой нашего будущего. Он возникает на фронтах. Человек становится литературным героем. Нужен предельный документализм нашего дня, чтобы говорить о том, как создается культура. Здесь уже в стороне и наблюдателем остаться невозможно. Как у братьев Стругацких когда-то в романе «Трудно быть богом», где главного героя посылают в какую-то культуру и говорят: «Ты не делаешь ничего, ты только наблюдаешь за всем, как бог». Трудно быть богом. Бог не таков. Бог не только наблюдает и не столько наблюдает, сколько действует и побуждает к этому действию человека. И мы с вами промыслительно встречаемся на Страстной седмице. Я человек мирской, дерзновенный, мне свойственно жить торопиться и чувствовать спешить. Поэтому — Христос воскрес!

Олег Степанов: Да, спасибо, Михаил. Вот, знаете, Михаил подчеркнул такую вещь, которая на самом деле, мне кажется, во многих докладах звучала, может быть, имплицитно у кого-то, не явлено, но Александр Гельевич это изначально тоже упоминал и озвучил. Сергей Николаевич Булгаков в «Философии хозяйства», а это значит — в философии экономической деятельности, говорит о том, что у хозяйственной деятельности человека есть две составляющих. Одна — потребительская составляющая — это удовлетворение потребностей. Понятно, что нам там холодно, голодно, чего-то

недостает. Ну, так сказать, для каждого, наверное, это индивидуально, но для всех есть какой-то минимум, условно говоря, потребительский.

Но существует еще другая составляющая — это созидательная составляющая, которая зависит от воли человека, и она направлена против энтропии. Поэтому хозяйственной деятельностью и, соответственно, экономикой Булгаков призывал считать очеловечивание природы. Поэтому и Сергей Афанасьевич Зимов, и Сергей Дзюба, и Михаил — они эту составляющую, этот вектор жизни нашей подчеркивали. У нас сейчас даже в экономике говорят: что нужно делать для того, чтобы наша жизнь стала лучше? Ну, нужен инвестор. Вот он придет на какую-то бедную территорию, обоснует какой-то проект, и вот появятся люди, которые заняты будут в этом проекте, будут получать зарплаты, у них родятся дети, нужны будут школы, людям нужна будет культура. Ну, это спорный весьма тезис, кстати. И, значит, жизнь на этой территории возродится.

Вот мы много работаем с Борисом на территориях по всей России: до Камчатки, от Кольского до юга России. Вот нигде так не происходит. Ни в одном месте. На Камчатке, например, когда я спросил: «Самый вообще проблематичный, убогий район?» — губернатор Камчатки мне сказал: «Ну, конечно, это там, где «Газпром»». И ровно наоборот, понимаете, вот там такая потрясающая история: человек приезжает в село, в котором остается в 90-е годы 50 человек. Школа закрывается, потому что новых детей нет, их свозят из окрестных деревень. Их все меньше, и меньше, и меньше с каждым годом. Учится 20 человек. Он становится сначала учителем в этой школе, потом директором этой школы. И вот он просто личной волей создает из государственной школы (она продолжает быть государственной) просто то, что он хочет. Вот, слава богу, в 90-е годы его никто особо не контролировал. И в деревню переезжает 450 человек, 220 учеников в школе. Понимаете, это не байка, мы лично это все видели. Вот человек своей волей...

А кто из нынешних экономистов, например, и футурологов несчастных может сказать, что для того, чтобы возродить какую-то территорию, нужен просто в школе нормальный директор и его воля?

(01:20:00)

И таких примеров не только со школами, но в разных совершенно парадоксальных областях — масса. Это почему? Это потому, что, конечно, воля человека, свободная воля человека, направленная на что-то, она многое определяет. Да, человек действительно сотворец Бога.

Хочу вам следующего выступающего представить. Это Андрей Петрович Козлов, человек, под руководством которого в конце 80-х годов был первым в мире создан скрининг на ВИЧ. Андрей Петрович Козлов — заведующий лабораторией Института общей генетики Российской академии наук и человек, дело жизни которого, наверное, развивать теорию эволюции. Но при этом она все равно состоит из таких вот «кубиков», что ли. И каждый кубик кладется в какой-то последовательности. Не кубик дарвинизма он развивает, но все равно — это человеческая мысль.

При этом удивительно, что когда мы с ним разговаривали и он рассказывал о своих мыслях в этой области, я вспомнил Николая Федоровича Федорова, про то, что он говорил, что люди должны научиться «выращивать одежды». Вот что такое технический прогресс. Механический и технический прогресс Федоров не любил. Он говорил, что это производство безделушек никому не нужных. Ученые предали свое назначение и занимаются безделушками. И я ожидал, конечно, что он скажет: «Ну, у Федорова много странных мыслей», но Андрей Петрович сказал, что он в юности прочел Федорова, и это для него было потрясающим совершенно открытием, и он полностью согласен. Андрей Петрович, вам слово.

Андрей Козлов: Меня попросили рассказать о науке и связанных с ней технологиях. И одно из названий у меня — «Универсальные законы природы и суверенитет национальных наук». И вот возникает вопрос: как так, если законы природы универсальны, наука первой вступила на путь глобализации, придумав научный метод и научный язык, какой там суверенитет вообще? Оказывается, там большое место для суверенитета, который наша страна в значительной мере потеряла.

Но начнем мы не с этого, а вот с чего: с проблем и недостатков, которые мы наблюдаем сейчас в науке. А именно, можно говорить о каких-то кризисных явлениях, а можно говорить уже о полноразмерном кризисе. И что свидетельствует в пользу этого? Вы слышали когда-нибудь, что кризис у нас где-то там в науке? Да. И вот первое, в чем это проявляется, это в том, что мы перестали открывать законы природы. И мы перестали создавать новые теории. И даже есть такая целая теория, что мы открыли все законы уже, чуть ли не в 60-х годах прошлого века. Это не так, мы не все законы еще открыли.

И наука, понимаете, есть такое представление о структуре научных революций Куна, которая понаделала шума в свое время очень. Что нормальная наука развивается, накапливает данные, а потом происходит революция, понимаете? А вот сейчас как-то данные продолжают накапливаться, а революция не происходит. И связано это с тем, что неудобно стало думать как-то.

(01:25:06)

Об этом говорят люди, выдающиеся ученые. Они говорят: как-то не принято обсуждать идеи. Это в науке, понимаете, не принято обсуждать идеи. Вот Евгений Давидович Свердлов — это самый выдающийся из ныне живущих у нас в стране биологов. Академик, лауреат всех премий возможных. И вот что он пишет, что «наука приобрела инкрементный характер». Ну, то есть она пухнет, пухнет, а прорывов нет. И вот с наукой очень неблагоприятно.

А другой наш выдающийся соотечественник, математик и академик, сын академика и тоже лауреат, так сказать, всех премий, он пишет: «Кризис физико-математического сообщества в России и на Западе». 2006 год, статья. Кстати, связанная с образованием. Он говорит, что сейчас выпускник — никто не может сдать курс Ландау, теорминимум, понимаете? Это так готовят физиков сейчас. Ну и что еще они могут открыть тогда, если они теорминимум не могут сдать? Вот это Сабина Хоссенфельдер, это физик-теоретик немецкий, она написала такой комментарий к неким событиям в физике, который вызвал

скандал, продолжающийся 10 лет уже. У нее блог 1,5 млн подписчиков только, понимаете? О чем блог? О скандале в области физики. Значит, что в основах физики не видим прогресса уже 50 лет. Это что? Это успех?

Ну ладно, может быть, там еще что-нибудь придумаем. Но вторая составляющая кризиса науки — невозпроизводимость научных данных. То есть вообще мы со школы знаем и вообще должны это знать, что основа науки — это вообще воспроизводимость, принцип философской индукции на этом основан. То есть это азы. И вдруг оказывается, что наука у нас утратила воспроизводимость. В 2015 году Wellcome Trust провел закрытое совещание в Лондоне по воспроизводимости в области биомедицинских наук. А там правила такие, вот эти Правила Чатем-Хауса, что можно пользоваться информацией, но имена, аффилиации не раскрывать, то есть такое полусекретное совещание. И вот, основываясь на этих правилах, главный редактор журнала Lancet (а Lancet — это лучший журнал медицинский считается в мире, как Nature в других науках), и вот что он пишет. То есть он был просто шокирован. Это паника, понимаете? Вот это паника!

В этой связи у меня, например, возник сразу вопрос: а что мы рвались-то туда, в эту науку западную, и в эти журналы, и в эти индексы, в эти цитирования, понимаете? Вот возникает вопрос о суверенитете нашей науки. У нас была замечательная наука, понимаете. И потом пошли вот за...

Я несколько примеров просто невозпроизводимости приведу. Одним из первых была показана невозпроизводимость данных в области психологии, ну и онкологии. Сейчас онкологию тоже покажу. То есть пытаются воспроизвести результаты, а они в два раза меньше. Ну, скандал. Ну, хорошо, но если бы это только там. А это вот ситуация в онкологии. Значит, половина статей, нет, две трети статей, да причем каких статей! Там элитных статей, понимаете? Их просто нельзя проверить. А те, которые можно проверить, они дают другие результаты. Ну, скандал, опять скандал в области онкологии. Журналисты пишут: медицина построена на песке. Ну, если данные-то, понимаете, да? Я вполне это могу допустить, потому что все это под контролем корпораций. Big Pharma, понимаете? Поэтому данные не воспроизводятся. Это вот у нас наука такая сейчас международная, понимаете?

А это уже анализ вообще Nature провел, полторы тысячи научных сотрудников опросил, есть ли кризис. Большинство ответили: да, есть и серьезный. Причем, вот видите, синенькие вот эти столбики справа, там и в химии есть, и в физике есть, и в науках о Земле есть, и в биологии есть, и в медицине есть, и везде есть. Одна из главных причин — публикационное давление. Чего делать?

(01:30:00)

Ну, надо же как-то, уж всем не стыдно же, да, ведь это же передовая наука. И вот в 2024 году NIH — это крупнейший медицинский институт в мире, в Америке. Я там работал, знаю всю эту — удивительное, конечно, образование, там десятки зданий и все такое. И он предложил программу. Ну, слушайте, ну стыдно. Вот я сейчас вам скажу, вы посмеетесь. Давайте перепроверять данные. Мы основываем новый институт по перепроверке, выделим средства, а вы приходите, перепроверяйте свои данные. Вот эта

статья — это второй номер за 2025 год. Нет желающих. Ну смеху подобно, понимаете? Это наука наша.

Значит, что мы имеем взамен? Взамен мы имеем наукометрию, мы имеем замечательные показатели, мы имеем замечательные цитирования, понимаете? Вот открытий нет, а цитирований сколько угодно. Вот в этой статье Буркиной и [REDACTED] (01:31:09) исчерпывающий анализ того, что такое наукометрия. То есть этот обман, понимаете, нам подсовывают не реальность, а индикаторы реальности. И я тоже считаю, что отсутствие открытий, невозпроизводимость данных связаны с наукометрией, с отрицательным влиянием со стороны бизнеса и политики. Причем смотрите, что еще там интересно. Я считаю, что эти показатели, рейтинги и все такое — это уже следствие (я не знаю, философы здесь лучше разберутся), это неолиберализм, постлиберализм. И я считаю, что к этим либеральным философиям надо как-то не добродушно относиться, а очень активно с этим бороться, понимаете? Потому что мы оказались втянуты в эту псевдореальность показателей, рейтингов и отсутствия развития.

И вот что интересно: научное сообщество все против рейтингов. Все правительства — за, за исключением Нидерландов и Китая. Как интересно, да? Ничего не навевает? То есть это конспирология вообще-то, получается. Ну как же так? Конспирологии ведь нет. Только все получается по конспирологии, понимаете? И вот опять здесь мы сейчас обратимся к универсальности науки и к особенностям национальных наук. Оказывается, очень много особенностей. Оказывается, уже изучали даже национальный характер, как он влияет. Национальный характер, история, экономика, политика, исторический период — как это влияет на характер науки, понимаете? И вот посмотрите: мы же знаем все, что был сначала доминирующий научный язык латынь, потом французский, немецкий, и со второй половины XX века — английский. И вот английский язык привел нас к тому кризису, который мы сейчас имеем. То есть это доминирующие страны, которые доминировали в науке.

Есть особенности у нас в науке. Я и многие другие называют это космизмом. Это не только про космос. И вот здесь первым поставлен Федоров в этом списке. На самом деле, наверное, Ломоносова надо ставить первым в этот список. И, конечно, его можно расширить. Чем характерна русская наука, русские открытия, русские теории? Они огромные просто, они такие громадные, понимаете? Вот возьмите: Опарин Александр Иванович в 24 года бросил вызов Пастеру и создал теорию происхождения жизни естественным путем. Это же не наука, это научище, понимаете? Теперь смотрите, другие наши: Менделеев — периодическая система; ну, тут мы говорили уже о Циолковском, Вернадском и так далее.

И я вам покажу, как можно это сейчас использовать. Космизм русской науки — как можно его использовать. Значит, и вот мы приходим к суверенитету. Что такое суверенитет в науке — в этой безграничной, транснациональной, глобальной? Суверенитет в области науки есть способность принимать самостоятельные решения, научные и технологические, основанные на данных науки. И мы имеем замечательный пример. Помните эпидемию ковида? Все бегут в одну сторону, а Белоруссия и Швеция не бегут.

(01:35:00)

И что, там что-нибудь произошло иначе? Нет, они приняли самостоятельные решения. И сейчас в области наукометрии, я вам говорил, Нидерланды и Китай тоже приняли самостоятельные решения. Ну вот, теперь надо разделить этот суверенитет на научную процедуру и собственно науку. Что такое научная процедура? Это совокупность мероприятий для получения научных данных, теорий, технологий и так далее. И вот что нельзя в научной процедуре: нельзя простодушно отдавать свои публикации за рубеж, нельзя простодушно принимать чужие индексы для руководства к действию и нельзя простодушно принимать на веру ВОЗ — Всемирную организацию здравоохранения. А мы все это сделали, простодушно или по глупости, понимаете? И вот что нам надо сделать: нам надо полностью суверенно осуществлять всю научную процедуру. Самим решать, что такое наука, а что — не наука. Разработать свои критерии, разработать свое... собственно, вернуться к нашей публикационной деятельности великой, когда у нас были все журналы на русском языке. Я уж не говорю, что систему финансирования надо менять.

Теперь собственно в научной части: что нам делать? Ну, ясно, что создавать новые парадигмы, но и в существующих парадигмах надо навести порядок. Наука пытается менять социальные нормы. Каким образом? У нас гомосексуализм — уже норма. Кто решил? Американская ассоциация психиатров, а ВОЗ потом это зафиксировала, понимаете? А сейчас они фиксируют калечащие трансгендерные практики, когда хирургическим путем меняют пол, а не химическим, понимаете? И наука молчит, понимаете? Наука молчит.

В области исторических парадигм — ну, понимаете, упоминалось татаро-монгольское иго, которого, может быть, не было. Кто создал парадигму татаро-монгольского ига? Оказывается, не русские ученые, понимаете? Владеют ей англосаксы и очень активно против нас используют. Точно так же это относится и к норманнской теории. Вот уже затрагивали сегодня научно-техническую парадигму. Вот эта история с глобальным потеплением, которая удивительным образом, оказывается, связана с политикой в области энергетики, понимаете? Так мы можем любую теорию сочинить, понимаете, непонятно в чьих интересах. То есть понятно, в чьих интересах. Но перестать надо уже нам быть добродушными такими, понимаете, надо нам как-то...

И в области медицины и здравоохранения, понимаете. Сейчас за нашей спиной готовится так называемое соглашение по пандемиям, пандемическое соглашение. О чем это? О потере суверенитета стран. Какие пандемии? Никто не знает никаких пандемий. Наука не может предсказать пандемию, понимаете? Это только Билл Гейтс предсказывает пандемии, и готовится под это дело пандемические соглашения, которые ни в коем случае нельзя подписывать. Уже в мае прошлого года не подписали — и надо вообще его не подписать. И надо создать движение целое, чтобы этого не произошло. Понимаете?

Вот мы полагаем, что надо делать нашей науке? Мы полагаем, что вот этот наш космический потенциал надо применить к огромному объему данных, которые накоплены инкрементной наукой, и обобщить этот материал не в одной области, не только у нас в биологии, да, а и в физике и так далее. У нас на это есть возможности,

понимаете? И таким образом мы можем реализовать условия для новой научно-технической революции. Но для этого надо создать условия. Суверенная наука не может возникнуть в несuverенной стране, понимаете? То есть вот мы опять приходим к суверенитету.

И я здесь привел ту теорию, над которой мы работаем в Институте генетики с моими коллегами. Александр Михайлович здесь сидит, Валерий Николаевич здесь сидит. То есть это новая теория, большая теория в духе тех теорий, которые русский космизм осуществляет. На протяжении последних двух лет в журнале «Успехи современной биологии» (Александр Михайлович — главный редактор этого журнала) происходит обсуждение новой теории. Понимаете? То есть мы... вот эта новая теория, я вам скажу, вы просто удивитесь, вы же не биологи все. Это теория возможной эволюционной роли опухолей, наследуемых опухолей. Вот только из этого следует, какие новые технологии здесь последуют, понимаете? То есть мы готовы предлагать пути этих научных революций.

И вот этот последний слайд. Здесь опять видите фамилии Вернадского, Циолковского. Вот научная мысль как планетное явление. Циолковский — это уже космическая философия. Я, например, считаю, что открытие новых законов как-то связано с развитием вообще Вселенной.

(01:40:05)

И это большая тайна, понимаете? Никто не понимает, как возникают, как открываются законы природы, и никто толком еще эту историческую перспективу не определил — как это влияет вообще на развитие философии. Спасибо за внимание.

Олег Степанов: Вот мы Александра Гельевича должны отпустить, у него там интервью запланировано. Спасибо вам огромное. Еще раз поаплодируем. Спасибо большое, Андрей Петрович. Я еще раз подчеркну важность того, о чем он говорил. Потому что действительно, вот этот вселенский замах научно-технического прогресса в русской мысли, который подчеркнул Андрей Петрович, он исчезает. Вот был такой физик известный американский, Дэвид Мермин. Когда не могли (и до сих пор, на самом деле, не осознали), вот о чем Александр Гельевич как раз говорил, — что такое квантовая теория с точки зрения мировоззрения, Дэвид Мермин сказал: «Заткнись и считай». Вот мне кажется, против чего вы в том числе и возражали, да? То есть не надо думать о том, каков мир, а надо просто считать, условно говоря, добиваться каких-то практических результатов. Но без этого ручеек практических результатов тоже иссякнет.

Поэтому, конечно, мыслить своеобразно, самобытно — это, конечно, призыв к русскому научно-техническому прогрессу. А у нас тут ну полный вообще провал, потому что я не знаю... какой-то фильм смотрел, который ИРИ профинансировала, там про цифровизацию и так далее. Там через одного программисты говорят: «Мы будем русскими Илонами Масками». Вот это «патриотический» фильм. Все хотят быть Илонами Масками, но только русскими. Понимаете, это ужасно совершенно.

Я сейчас представлю следующего выступающего. Это мой друг, партнер Борис Акимов, который, поддерживая вот как бы логику, наверное, и даже не логику, а просто дух тех докладов, которые делались, он будет говорить о роли человека-созидателя в складывании вот русского общества. Вот мне кажется, что для завершающего доклада это такая, на самом деле важная вещь и такая точка финальная, после которой я не знаю, если на вопросы хватит времени, то будет. Борис.

Борис Акимов: Да, спасибо большое. На самом деле, я так понимаю, что уже начался обед, поэтому неблагодарное дело тут сейчас... Кто-то не обедает, а слушать будет завершающее выступление. Поэтому я постараюсь прям по-быстрому какие-то свои соображения высказать. Надо сказать, что когда ты выступаешь часто и говоришь, в общем какие-то, может быть, и важные вещи, но приходится иногда повторяться. Некуда вроде от этого деться. И у меня вот сын собирался прийти, он говорит: «Можно я приду?» Я говорю: «Ну, можно. Но ты, наверное, будешь опять говорить то, что я и так слышал от тебя». Я говорю: «Ну, постараюсь сказать что-нибудь другое». И вот я сейчас такую загогулину выдам, попробую довольно короткую, чтобы немножко она выглядела иначе, чем обычно.

Поэтому в связи с этим я задам вам такой вопрос в начале. Может показаться странным, но в конце моего выступления попробую к нему вернуться. Вот скажите, у кого есть кошки или собаки, поднимите, пожалуйста, руки. Ну, вот есть, так. А у кого корова есть? О! И вот еще я вижу руку. На самом деле не так плохо, да? Очень много коров. Двое есть, по крайней мере, не считая меня еще.

Вообще, почему мы здесь собрались, вот под таким углом рассуждаем обо всем? Все это называется «Русская философия». И каждый из гостей, который сюда пришел, из участников этой сессии, рассуждает как бы о новой мысли, русской философской мысли, и о русской мысли вообще, которая как-то преломляется в сфере его практической и научной деятельности. Мы с Олегом Владимировичем долгое время занимались и занимаемся развитием территорий.

(01:45:05)

Ездим по стране с 2015 года, наверное, довольно усердно этим мы занимаемся и, собственно, практикуем то, что сейчас получило название «развитие территорий». То есть на малых территориях, чаще всего в муниципалитетах, работаем и пытаемся найти какие-то точки роста. И в какой-то момент мы поняли, что они достаточно парадоксальны, они всегда связаны с какой-то такой антропологической сугубо деятельностью. И теоретическое осмысление практического нашего опыта привело к тому, что мы создали такой проект, который называется «Россия 2062», такой гуманитарно-исследовательский центр, штаб мысли. И в свою очередь, этот штаб уже породил в конце прошлого года такую институцию, которую мы назвали «Школа русской философии».

Я пару слов тоже про это скажу. Просто все здесь присутствующие, включая Александра Гельевича, который нас сейчас покинул, они являются лекторами нашей школы. И это не случайно, что именно здесь мы сегодня собрались. Это связано в том числе с тем, что мы долгое время искали в разных совершенно направлениях современной русской мысли, я

бы даже сказал, в каком-то смысле, единомышленников — людей, на самом деле глубокомыслящих, тех, кто по-настоящему глубоко копает. И сегодня вы, наверное, слушая выступающих, вполне могли в этом убедиться, что это неординарные люди, которые идут в каком-то смысле против системы координат, которая сложилась в ценностном, гуманитарном, научном, исследовательском, практическом, экономическом пространстве, в котором мы живем.

И не раз, например, упоминали сегодня Федорова. Вот у нас с Олегом вышла серия книг из шести книг, вот одна из них посвящена Николаю Федоровичу Федорову, основателю русского космизма.

Олег Степанов: А одна — Булгакову.

Борис Акимов: Да, да. Много кому. Федорову. И он автор фразы, которую мы очень любим и которая, наверное, стала, можно сказать, нашим таким лозунгом, слоганом, что ли. Федоров говорил, что «жить нужно не для всех, не для себя, не для других, но со всеми и для всех». И это очень так пересекается, на самом деле, концептуально, фундаментально со всеми теми мыслями, о которых говорили коллеги сегодня. Это некий такой фундамент ценностный, он тоже вырос, на самом деле, как ни странно, для нас, во всяком случае, с Олегом, из нашей практической деятельности.

И вчера у нас была там очередная лекция в нашей школе, и рассуждали мы о Михаиле Бахтине и его философии поступка и о том, что он называл событие, которое... То есть мы все как бы свой такой тонус человеческий приобретаем за счет принадлежности событию. То есть мы все участники бытия, мы людьми становимся тогда, когда свою самость проявляем и в этом смысле становимся созидателями того, о чем говорил Олег. Не потребителями, а созидателями. И на самом деле тоже вот эта антитеза созидательной деятельности потребительской присутствует во всех сегодняшних докладах и, в частности, в том, о чем я буду говорить: об общественном устройстве, о роли человека в настоящем и в будущем России.

И мне вспомнилось, когда мы вчера говорили о Бахтине, о его философии поступка, мне вспомнился Григорий Палама, которого традиционно вспоминают во время Великого поста. И он в «Томосах веры» начинает с того, что цитирует несколько по-своему апостола Павла и отвечает на вопрос, кто такой человек. Он говорит, что «мы все — причастники божественного естества». То есть Бог — Творец и Создатель, и мы соучастники этого создания, созидания. Мы призваны для того, чтобы созидать вместе с ним ту реальность, в которой мы находимся. И как это преломляется — такие почти богословские, может быть, утверждения, даже уже не философские — как это преломляется в практической плоскости?

Ну, тут как раз, наверное, придется мне пару слов сказать о примере, который чаще всего мы приводим. И придется повториться. Нас привело в то, что сейчас называется развитием территорий, наш первый опыт — территория, с которой мы работали несколько лет, это Териберка. Ныне достаточно громко известный поселок на Баренцевом море.

(01:50:04)

В 2015 году этот поселок был поставлен на расселение. Он закрывался, и все население отправляли, строили им квартиры в городе Кола под Мурманском; было принято решение о закрытии этого поселка. Сейчас это официально называется «жемчужиной арктического туризма». Там, например, стоимость жилья, когда он закрывался, понятно, что он был никому не нужен, и трехкомнатная квартира в 2015 году стоила 250 тысяч рублей, а в 2022 году уже стоила почти 7 млн рублей. То есть она выросла... Я не делал каких-то исследований, но вполне возможно, это один из самых быстрорастущих объектов недвижимости на территории России. Да, может быть, и в мире. Произошло много там перемен, которые в цифрах выражаются: количество турпотока, отелей, ресторанов, производств, малого бизнеса и всего прочего.

И надо сказать, что все это произошло не потому, что туда пришел какой-то крупный бизнес, какой-то инвестор. О чем сегодня говорил Олег: о том, что мы живем в некоей такой системе координат, когда ситуация на земле может поменяться только благодаря какому-то крупному игроку. Вот мы говорим о том, что как раз «земля и воля», о которой сегодня говорили здесь, являются ключевыми, а не какие-то конъюнктурные интересы большого бизнеса. И вот в Териберке, как и, впрочем, во всех других территориях, в которых мы работали, удалось сконцентрировать эту волю людей: которые жили в этой Териберке, которые жили в Мурманске, в Питере или в Москве, которые жили в других районах Мурманской области, которые переехали туда, вернулись и не уехали, которые вытащили свои деньги «из-под подушки», или взяли кредиты, или продали квартиру в Мурманске и так далее. То есть масса людей — ну, какая масса, она исчисляется сотнями, даже не тысячами — несколько сотен человек взяли и проявили свою волю творческую, созидательную, переложив ее на конкретное место, конкретную маленькую территорию на берегу Баренцева моря. Там, где, по представлению подавляющего большинства наших современников, да и нас самих, жить, наверное, сложно: приехал, потусил, порыбачил, походил по тундре и уехал. А между тем довольно много переселенцев уже из Москвы, из Подмосковья, из других регионов России переехали туда жить и связали свою жизнь с этим местом. Таких мест на самом деле очень много.

И вся наша практическая деятельность по развитию территорий говорит о том, что только тогда, когда находятся люди (или иногда даже один человек), которые свою мощную творческую волю проявляют, в этот момент на территории происходит тотальное изменение. Действительно возникает потенциал устойчивого развития территории. Не такого, когда пришли, выкачали что-то — закончилась нефть, газ и так далее — и мы оттуда ушли. Ну, то есть вот эта типичная история: к нам приходит компания и говорит: «Вы знаете, мы добываем в таком-то месте, в Республике Тыва, золото. Мы знаем, что через такое-то количество лет месторождение будет уже совершенно не то, что было, и мы уходим оттуда. Но мы понимаем, что все-таки какую-то социальную ответственность несем. Давайте подумаем, а что же можно сделать на этой территории для того, чтобы все-таки после того, как мы закроемся, и все люди лишатся своей работы, жизнь там не умерла». Но это еще хороший очень пример, пример того, что компания осознает свою социальную ответственность. Но это одновременно показывает, что никакую устойчивость

она не создала своей деятельностью. Она добывает золото, золото закончилось — после этого там наступит нищета и выезд оттуда людей. По логике вот такого глобалистского подхода.

Но мы говорим, что вместо этого нам нужно на территорию посмотреть совершенно иначе: через антропологический дискурс, через конкретного человека. Вот если опять вернуться к какой-то такой философской плоскости, то, наверное, можно сказать, что вот эта воля, созидательная воля человека, она проявляется в том случае, когда он ощущает, что ли, себя в процессе преодоления отчуждения. Вот если, опять же, к теологическо-богословскому дискурсу, я должен сказать, что когда мы были изгнаны из рая, то мы оказались в этом мире отчуждения, который по нарастающей присутствует в человеческой цивилизации.

(01:55:09)

И так или иначе корпоративный капитализм и вера в технологический прогресс, который основывается скорее на таком даже религиозном каком-то характере, продолжает отчуждать человека от Бога, от мира. И когда человек через какие-то конкретные очень свои проекты, свою волю ощущает в прямом смысле почву под ногами, то в этот момент он чувствует себя снова человеком, не каким-то винтиком, не какой-то функцией потребительской. Он чувствует себя настоящим созидателем, открывает в себе вот эту человеческую самость, человеческое бытие.

И вот, так сказать, загогулина загогуливается. И почему я спросил про корову? Да, я тоже один из трех, получается, людей здесь в зале, у кого есть корова. И я подумал, что так сложилась на самом деле жизнь — может быть, я даже не предполагал, что я стану владельцем коровы, которую я достаточно часто и дою сам. Но так получилось. Но при этом, видите, я здесь с вами сижу, езжу по России, у нас есть какие-то проекты, мы открываем Школу русской философии, то есть не представляю из себя какого-то крестьянина такого классического образца.

И у меня сегодня родилась такая идея перед тем, как я сюда пришел. Подумал: а что, если в «России 2062 года» в качестве — опять же, сейчас это, наверное, как провокационный лозунг прозвучит — вот сказать: сейчас у нас перепись населения говорит о том, что 7% населения владеет коровами, козами, курами. То есть кто из них коровы, точно не знаю, но сельскохозяйственными животными — 7%. И вот в 2062 году, не знаю, пусть 50% владеет козами, курами и коровами. Это звучит достаточно, с одной стороны, провокационно, вызывающе, с другой стороны — безусловно, когда ты представляешь, а что для этого надо сделать... И если мы не говорим о возврате в XIX век, а смотрим в будущее, как нам завещал Николай Федорович Федоров, русские космисты и так далее, то это на самом деле означает ряд действий, которые нас в прямом и в переносном смысле очень заземляют.

Я шел сюда по Покровке и размышлял, что, наверное, этот образ слишком такой провокационно сильный, слишком, не знаю, отдает «стерлиговщиной», что ли. И вдруг я вижу рекламу прямо за полчаса до того, как я сюда попал, на улице. Это социальная реклама некоторого социального проекта, направленного на образование детей и

создание детских образовательных центров в сельской местности, как выяснилось. И там детский рисунок: нарисован ребенок и корова. И написано: «Помоги мне стать ветеринаром», что-то такое. Я еще подумал, что не кошечка нарисована, не собака, а нарисована корова как символ будущего. Помогите этому ребенку стать ветеринаром, и он будет помогать коровам. Вот тех, кто здесь сидит, в частности, моей корове тоже. Спасибо большое.

Олег Степанов: Спасибо, Борис. Я просто коротко, завершая, подводя итоги, могу сказать, что, понимаете, очень часто у людей, наверное, склонных иначе мыслить — мыслить с точки зрения традиций, национальных традиций, консерватизма в том числе — возникает такое неудобство перед людьми, которые ратуют за прогресс. Что ты вот... ну не знаю, семьи у нас в большинстве, конечно, тоже разваливаются, люди вообще не хотят создавать семьи, или они недолговечны, не хотят рожать детей. И неолиберальная философия говорит: «Да так и надо». Потому что хозяйственная необходимость создавать семью существовала до XIX века у земледельцев, а сейчас она отпала. Ну, я не буду воспроизводить почему, и поэтому — да, все нормально.

Но ты, когда говоришь и возражаешь, то ты автоматически даже сам для себя, понимаете, как бы оказываешься человеком, который просто ничего нового сказать не может. Мало того, все новое ему противно, и поэтому он говорит: «Да давайте вот как в XIX веке». Но как в XIX веке не будет. Сегодня на эту сессию я позвал людей, которые говорят о том, что, продолжая традицию, продолжая вот эту революционную, на самом деле, традицию русской мысли, мы можем и в области экономики — Сергей Дзюба, и в области климатологии — Сергей Афанасьевич Зимов, и в области биологии, генетики, вирусологии — Андрей Петрович Козлов.

(02:00:12)

И на самом деле позвал на сцену Александра Михайловича Кудрявцева, который просто сказал: «А давайте не я выступлю, а Андрей Петрович выступит». А это человек, много лет руководивший Институтом общей генетики Академии наук и, соответственно, коллега Андрея Петровича. И Михаил Кильдяшов — о культуре, и Борис Акимов — о созидании общества. Понимаете, это революционные вещи. Да и Александр Гельевич с самого начала говорил: «А давайте мы прочтем Платона, а давайте мы прочтем Аристотеля, а давайте мы прочтем Шеллинга». Не прочтем тех, кто их уже читал. Я давно говорил о том, что это позорище страшное, что у нас в XXI веке нет новых переводов Платона. Понимаете? То есть это крах, это крах на самом деле. Не будет никаких открытий в физике, не будет никаких новых технологий, не будет реально никаких новых альтернатив. Мы будем как обезьяны говорить о том, что у нас тоже будут Илоны Маски, у нас тоже будет свой искусственный интеллект. И вот это абсолютно тупиковая как раз история. Необходимо совершенно революционно продолжать традицию, а не склонять свой ум (а на самом деле это уже не ум получится) перед какими-то банальностями, которые просто распространяются среди людей. Банальность распространяется легче всего. К сожалению, не успеваем ответить на вопросы. Ловите присутствующих на сцене, задавайте им вопросы сами. Спасибо вам огромное. Я надеюсь, что было интересно.

(02:03:17) (Конец записи.)